

УДК 811.16

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКА
РУКОПИСНОГО АВГУСТОВСКОГО ПРОЛОГА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА И ПРОЛОГА XVII ВЕКА
В АСПЕКТЕ «ВТОРОГО ЮЖНОСЛАВЯНСКОГО ВЛИЯНИЯ»**

© 2010 г.

И.Ю. Абрамова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

irabra@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.04.2010

Рассматриваются признаки «второго южнославянского влияния», отраженные в двух Прологах XVI и XVII веков, в связи с решением вопроса формирования нормы русского литературного языка. Автор приходит к выводу, что на базе взаимодействия книжно-славянской и народно-разговорной стихий в Прологах вырабатывается некая средняя норма написания, которая могла повлиять на формирование нормы русского национального литературного языка.

Ключевые слова: Пролог, второе южнославянское влияние, норма.

Язык рукописного Пролога XVI века и Пролога XVII века был обследован нами с целью выявить, насколько данные тексты были готовы «принять» черты «второго южнославянского влияния» или преобладало стремление к архаизации письма, связанное с сохранением книжной традиции написания памятников подобного жанра.

Как известно, с самого начала Прологи на русской почве начинают отходить от традиции написания Византийского образца, что и обуславливает их особое положение в системе жанров древнерусской литературы. Прологи на Руси имеют двойную направленность: в область богословия и богослужения и в область народного восприятия. Такая двойная коммуникативная задача не могла не отразиться на их языке. Прологи как самый демократичный жанр церковнославянской литературы становятся той почвой, на которой могут соединиться две речевые стихии, пришедшие в активное взаимодействие в языке Московской Руси XVI в.: книжно-славянская и народно-разговорная. С одной стороны, за счет употребления книжно-славянских элементов в исследуемых Прологах формируется язык отвлеченной богословской литературы, ориентированный на византийскую риторику, и тем самым поддерживается традиция книжной речи. С другой стороны, за счет народно-разговорных элементов создается текст, максимально ориентированный на русского читателя. Следует учесть при этом, что в книжно-славянском компоненте удерживается влияние греческого языка, в то время как народно-разговорный компонент отражает живую

речь великорусской народности. На базе такого взаимодействия могла, на наш взгляд, выработаться некая средняя норма написания, которая позже могла повлиять на формирование нормы национального литературного языка в целом. Таким образом, исследование актуально в связи с проблемой формирования норм русского литературного языка.

Нами рассматриваются тексты, принадлежащие к разным периодам в формировании русского литературного языка. Пролог XVI века, являясь памятником конфессионального жанра и находясь в хронологических рамках конца донационального периода, не мог не отразить черт так называемого «второго южнославянского влияния» и в целом процесса архаизации языка. Список XVII в., как памятник начального этапа формирования русского национального языка, должен отражать процесс демократизации. Таким образом, исследование может помочь в решении проблем самого направления демократизации и ее специфики в книжно-славянском типе русского литературного языка.

Анализ материала позволяет сделать вывод о том, что тексты обоих Прологов отражают следующие черты, традиционно относимые исследователями ко «второму южнославянскому влиянию» [4; 8]:

1) на уровне графики¹ в Прологах проявляются следы греческого влияния: достаточно последовательное употребление буквы ω для передачи звука [o] в начале таких слов, как *олтарь*, *онже*, *обещание*, *образъ*; этимологически верное употребление буквы «фита» для

передачи звука [ф] в некоторых заимствованных именах собственных при наличии неверно употребляемого ф («фъртъ»); последовательно проявляется на протяжении всего текста написание «получаши» (Ч) вместо «чаши» на месте звука [ч] во всех позициях и т.д.;

2) на уровне орфографии в обоих текстах отражается собственно южнославянское влияние: утрата интервокального йота перед *a* на конце слов типа *великаа*, *Щ'* вместо *Ч'* на месте этимологического *tj и *kti - *gti и т.д.;

3) на уровне грамматики употребление окончаний причастий и прилагательных *-иѣ* в родительном падеже единственного числа и в именительном-винительном падеже двойственного числа.

Все перечисленные черты способствуют восстановлению книжных традиций написания текста, автор Пролога пытается выдержать свое произведение в рамках так называемого книжно-славянского типа русского литературного языка.

Однако, несмотря на отмеченные признаки, живая разговорная стихия достаточно последовательно проступает в обоих Прологах. Это сказывается и в вариативном написании одних и тех же слов с *o* или *o* на месте [o] в начале слова, например: *хощу творити во свои сіаце око твое лукавно* (л. 2 об. (34) – *ибо очима тоѣ жены увидиши мужа* (л. 4 об. (38), и в появлении противоречащих ожидаемым восточнославянских признаков в данных текстах. Примеры, отражающие влияние живой восточнославянской речи на язык Прологов, обнаруживаются в первую очередь в графике и орфографии текстов. Так, нами зафиксировано неоднократное употребление лигатуры *у* либо диграфа *оу* вместо этимологически верного «юса большого»; столь же последовательно употребляется в тексте *a* вместо этимологически верного «юса малого», особенно в глагольных формах аориста 3 лица множественного числа.

Обе эти особенности – свидетельство закончившегося в русской речи процесса деназализации. Как известно, так называемые «носовые гласные» употреблялись в текстах только как дань книжной традиции, поскольку к моменту возникновения письменности на Руси не имели за собой звукового содержания. Показательно, что процесс этот в речи настолько активен, что даже Пролог XVI века, который, по результатам нашего исследования, достаточно последовательно отражает процесс архаизации языка, не может противостоять ему.

В области орфографии отмечается написание редуцированного после плавного слогаоб-

разующего ЛЪ, РЪ в тексте Пролога XVI века², однако чаще мы встречаем здесь написание гласного полного образования на месте редуцированного: П16: *и долу поникъ безъ дръзновеніа* (л.546 об. (4). В тексте же Пролога XVII века во всех случаях на месте слогаобразующего и редуцированного пишется сочетание сонорного и гласного полного образования: *долу поникъ уединен без дерзновеніѣ* (442 (31).

Другой показательный признак влияния – южнославянское неполногласие на месте восточнославянского полногласия – проявляется последовательно в обоих текстах: полногласных сочетаний в текстах не встретилось, однако регулярна замена *h* на *e* в приставке *пре-*, что может свидетельствовать о таком процессе живого восточнославянского языка, как изменение произношения фонемы [h]: *и бысть молніи исполнисѣ храмъ благоуханіѣ* (П16: л. 546 (3); П17: (441(29)).

На месте этимологического *dj в исследуемых Прологах наблюдается в подавляющем большинстве примеров восточнославянский рефлекс Ж' вместо южнославянского Ж'Д': П16: *его же имъ даль бѣ прежде воплощеніа* (л. 549 об. (10) – П17: *иже бѣ дал имъ прежде воплощеніѣ* (л. 447(41)

Южнославянский рефлекс Ж'Д' на месте *dj встречается только в тексте Пролога XVI в. и, в основном, вероятно, в тех случаях, когда восточнославянский коррелят утратился достаточно рано: *то бѣ от антиохіѣ рождѣсе* (л. 547 (5).

На наш взгляд, наиболее показательными в отношении отражения процесса демократизации книжно-славянского типа русского литературного языка, разрушения в нем греческих традиций написания, а также и старой системы двух систем, существовавших в рамках русского литературного языка в донациональный период, могут являться синтаксический строй и стилистическая система, а также сама структура текста исследуемого Пролога. Именно стиль, опирающийся на конкретные синтаксические конструкции, предопределяет жанровое своеобразие произведения и диктует автору четкое употребление языковых единиц, характеризующих его. Если считать «плетение словес» ключевым стилем эпохи «второго южнославянского влияния», то любой текст, лежащий в рамках книжно-славянского типа русского литературного языка, должен подчиняться и с точки зрения структуры, и с точки зрения употребления языковых единиц его правилам. Иначе либо исследуемый текст не лежит в рамках идеологии «второго южнославянского влия-

ния», либо стиль «плетения словес» не является всеобъемлющим.

Исследование показало, что в тексте Прологов нет таких ярких черт «плетения словес», формирующих особую манеру письма «второго южнославянского влияния», как ритмизация текста, стремление к абстрагированию, насыщенность тропами, усложнение синтаксической структуры. Но все же некоторые элементы «извития словес» встречаются в назидательной части Пролога. К ним можно отнести:

1. Употребление сложных слов, построенных так же, как и в текстах «плетения словес», с использованием произвольных композитов: *кадилоприетно*.

По этому признаку оба Пролога достаточно близки к текстам «плетения словес». Однако текст Пролога XVI века более «богат» сложными словами, что может служить подтверждением нашей мысли о том, что язык Пролога XVII века более приближен к разговорной речи того периода и репрезентирует процесс демократизации книжно-славянского типа литературного языка.

2. Единичные случаи употребления тавтологических сочетаний: *възрадовасе радостію, свѣща просвѣщаетъ*.

3. В назидательной части исследуемых Прологов встретились достаточно яркие примеры построения некоторых фрагментов на основе рядов однородных членов: П16: *зависть бо есть скорбь срдцю и тлѣ доуши сушило тѣлоу и разореніе любве ко всемъ вражда отлученіе роду спона добродѣтели. залогъ моученію лишеніе бжїа жизни. г҃онѣ наслѣдіе* (П16: л. 2 об. (34); П17: л. 462(71)).

Последняя особенность сближает текст исследуемого Пролога с текстами Епифания Премудрого, однако следует отметить, что иерархически организованные ряды однородных членов в епифаньевской прозе служат необходимым структурным элементом, организующим весь текст Жития в целом. Отмеченный нами изоморфизм выражения основного концепта, концепта святости [1], опирающийся на однородность, для Епифания является основополагающим принципом построения жития как жанра. Мысль о цикличности, повторяемости событий выражена посредством повторяемости элементов трех уровней: на уровне лексики – это синонимия и связанная с ней полиномия, на уровне синтаксиса – это однородность членов предложения и изоколия, на уровне построения текстов – постоянный возврат к одной и той же теме, центральной идее Жития.

На наш взгляд, отмеченные примеры не отражают подобного построения текста, скорее,

употребление таких усложненных конструкций – дань традиции. Эта мысль подтверждается еще и тем, что примеры подобных рядов однородных членов предложения нам встретились в таких устойчивых по структуре и языку фрагментах текста, как Слова и Поучения Иоанна Златоуста. Житийные же фрагменты отражают иное представление о построении текста, что, без сомнения, связано с самим назначением Проложных Житий: дать краткую информацию о жизни святого в день его поминования.

Таким образом, в целом язык Прологов отражает следование традиции, сложившейся в написании произведений подобного жанра. Черты «второго южнославянского влияния» отражаются в них непоследовательно и, скорее всего, не являются результатом так называемой «книжной справки», а призваны «удержать» язык Пролога в рамках традиционного книжного языка. На уровне синтаксиса, стилистики и структуры текста не допускается никаких новшеств. Это может быть связано с неоригинальностью произведения: его структурные компоненты не сочинялись автором, а были уже готовыми статьями, которые требовалось только включить в состав Пролога. Стабилизация эта поддерживается книжной традицией, которой следует автор.

Демократизации, как показало исследование, более всего подвержены графика и орфография, отражающие в целом состояние фонетической системы русского языка начального национального периода, представленного в Прологе XVII века, тогда как такой менее подвижный уровень языка, как морфология, остается практически неизменным и удерживает традицию книжной речи.

Примечания

1. По техническим причинам в тексте статьи используются следующие символы: ѣ вместо «ять»; ҃ вместо «юса малого».

2. В тексте приняты следующие сокращения: П16 – Пролог XVI века, П17 – Пролог XVII века.

Список литературы

1. Абрамова И.Ю. Структурно-семантическая и синтаксическая организация агиографических текстов стиля «плетение словес» (на материале житий XIV–XV вв.). Дисс. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2004.
2. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989.
3. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – сер. XVIII в.). М., 1975.
4. Лихачев Д.С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958.
5. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.

6. Матхаузерова Св. Древнерусские теории искусства слова. Praha, 1976.
7. Пиккио Р. Slavia Orthodoxa. Теоретические вопросы литературы. М., 2005.
8. Соболевский А.И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV вв. СПб, 1894.
9. Толстой Н.И. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян // Вопросы языкознания, 1961. № 1.
10. Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981.

**COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF THE LANGUAGE
OF THE HANDWRITTEN AUGUST PROLOGUE
OF THE SECOND HALF OF THE 16th CENTURY AND THE PROLOGUE OF THE 17th CENTURY
IN THE ASPECT OF THE "SECOND SOUTH SLAVIC INFLUENCE"**

I. Yu. Abramova

The article deals with the signs of the "second South Slavic influence", as reflected in the two Prologues of the 16th and the 17th centuries, in connection with the formation of the norm of the Russian literary language. The author comes to the conclusion that a certain average principle of writing, which could affect the formation of the norm of the Russian national literary language, was developed in the Prologues on the basis of interaction between literary-Slavic and national-colloquial elements in the Prologues.

Keywords: Prologues, "The Second South Slavic influence", norm.